

В. Эрн

**Меч и крест. Статьи о
современных событиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В. Эрн**
Меч и крест. Статьи о современных событиях / В. Эрн – М.: Книга по Требо-
ванию, 2016. – 106 с.

ISBN 978-5-458-54713-0

ISBN 978-5-458-54713-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕЧЪ и КРЕСТЪ.

(Вмѣсто предисловія).

Столкновеніе духа Германіи и духа Россіи мнѣ представляется внутреннею осью европейской войны. Всѣ другія силы группируются по периферіи. Гордая, матеріальная, внѣшняя идея германская сталкивается съ смиренною, духовною и внутреннею идеею русскою.

Словами Мечъ и Крестъ лучше всего характеризуется полярность этихъ двухъ всемірно-историческихъ силъ. Вильгельмъ не напрасно сказалъ: „Es wird das Schwert entscheiden“. Это—послѣдняя инстанція, на которую можетъ ссылаться нѣмецкій народъ. Въ Мечѣ, говоря символически, сосредоточилась: вся сила, вся „доблесть“, вся идейная и культурная мощь Германіи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы руки, которыя держатъ этотъ мечъ, были чистыми. Кровь стариковъ и женщинъ, убійство дѣтей, пепелъ и прахъ культурныхъ святынь не могутъ быть смыты даже смертью, даже „доблестною“ смертью сыновъ Фатерланда. Откровенно можно сказать: намъ хотѣлось бы имѣть враговъ болѣе честныхъ, болѣе мужественныхъ въ выборѣ средствъ, менѣе охваченныхъ нервическимъ изступленіемъ.

Но такова ужъ природа меча. Святъ онъ въ рукахъ святыхъ, мерзокъ въ рукахъ разбойничьихъ. Своей же собственной, внутренней правды онъ не имѣетъ.

Когда разбойничій мечъ былъ вынутъ изъ ноженъ и занесенъ надъ маленькою Сербіей, русскій народъ поднялся противъ него съ крестомъ. Не армія только была мобилизована. Нѣтъ, взволнованная Россія воинство выслала изъ самыхъ глубинъ своего народнаго существа. Давно, давно уже, быть-можетъ, съ Куликовской битвы мы не знали такого единства духа и плоти Россіи, такого изумительнаго созвучія между ея глубочайшими вѣрованіями и ея внѣшнимъ историческимъ дѣйствіемъ. На новое дѣло, согласнымъ порывомъ, Россія поднялась какъ на подвигъ и жертву, смиренно принявъ велѣніе Промысла.

Оттого бездна раздѣляетъ Германію и Россію, и до полярности онѣ противоположны въ одномъ, съ виду общемъ, дѣлѣ войны. Для Германіи нѣтъ ничего выше меча, выше грубой физической силы,—самъ Богъ есть сила для нихъ, а не правда. И мечъ ихъ—высшая спиритуализація ихъ народнаго существа, высшій подъемъ ихъ матеріи и высшій предѣлъ одухотворенія ихъ грубой, тяжелой плоти. Для меча работали весь коллективный нѣмецкій мозгъ,—для меча билось и бьется все-нѣмецкое сердце. Они напряглись въ войнѣ, и все у нихъ собралось и натянулось въ струнку, какъ у звѣря, который прыгаетъ на добычу.

Для Россіи же мечъ—служеніе, а надъ мечомъ какъ святыня—крестъ, и сила сильна не силой, а правдой и только правдой. Русское воинство, свѣтлое, безстрашное, есть прежде всего духовная сила, и сталь орудій и щетина штыковъ лишь внѣшняя, наружная оболочка этой силы, матеріализація духа народа, вызванная моментомъ и необходимостью, матеріализація, нисколько не противорѣчающая духу и въ то же время отнюдь его не исчерпывающая.

Повторяется старая, славная наша быль. Преподобный Сергій на битву съ врагами Россіи выслалъ двухъ схимниковъ-богатырей; самъ же, подвижникъ и величайшій свѣтильникъ духа, остался въ пустынѣ, ибо въ жизни духа битва или война есть всего лишь событіе, нѣкоторая экстеріоризація духовныхъ энергій, сущность же духа безмѣрно больше, обширнѣе, глубже.

Противъ брутальнаго германскаго меча (и не случайно ставшаго брутальнымъ) Россія сражается мечомъ, освященнымъ вѣрою въ высшую правду; правда для нея первѣе меча, и потому война приобрѣтаетъ духовный смыслъ, и вся совокупность событий, сложная, огромная, выросшая изъ простого факта защиты Сербіи и все разрастающаяся, можетъ пониматься только какъ величайшее духовное боре-ніе, какъ тяжба всемірно-историческихъ началъ.

Это мнѣ и хочется подчеркнуть въ статьяхъ, собранныхъ въ этой книжечкѣ¹⁾. Я понимаю прекрасно несоизмѣримость темы и того, что предлагается мною. И все же думаю, что голосъ, даже слабый, но исходящій изъ глубины души, не можетъ быть лишнимъ при томъ огромномъ сдвигѣ понятій и представленій, который вызывается войной. Мы уже безконечно далеко отплыли отъ берега вчерашняго дня и намъ нужно стараться всѣми силами разгадать смыслъ и значеніе тѣхъ новыхъ условий и новыхъ возможностей, какія открываются передъ нами черезъ войну.

¹⁾ Статьи печатались въ Новомъ Звѣнѣ, Русской Мысли, Утрѣ Россіи и Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, писаны съ сентября по январь.

ГОЛОСЪ СОБЫТІЙ.

I.

Мы вступили въ исключительное время — на грань двухъ эпохъ. На нашихъ глазахъ рушатся великія царства и возникаютъ новыя, безпредѣльныя міровыя возможности. Въ потокахъ крови, въ ужасахъ величайшаго напряженія столкнувшихся націй-колоссовъ занимается новый, быть-можетъ, послѣдній день всемірной исторіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что внезапный потокъ событій, ураганомъ сорвавшійся на Европу, съ катастрофической силой рушитъ не только старыя формы европейскаго быта, не только мѣняетъ до неузнаваемости внѣшній обликъ вѣчно-милрой, любимой Земли. Нѣтъ! въ непримѣрныхъ битвахъ, какихъ не знала еще исторія, рождается новое постиженіе міра, съ какихъ-то звѣздныхъ высотъ нисходятъ новыя духовныя задачи вселенской значительности, и горе тѣмъ націямъ, которыя въ этотъ часъ великаго испытанія окажутся неготовыми и духовно отставшими. Исторія, вступающая въ фазисъ головокружительной быстроты своего становленія, расшвыряетъ ихъ по самымъ послѣднимъ мѣстамъ и сдѣлаетъ ихъ „пушечнымъ мясомъ“ самыхъ грозныхъ, самыхъ рѣшительныхъ и, быть-можетъ, послѣднихъ своихъ манифестацій.

II.

По предвѣчному плану Создателя міра, съ внезапностью чуда, Россія вдругъ была брошена въ самую гущу грандіозныхъ событій и заняла отвѣтственнѣйшее, едва ли не первое мѣсто въ начавшемся катаклизмѣ европейской исторіи. Судьбы Россіи тѣсно сплелись съ судьбой всего міра, и судьбы міра таинственнымъ звеномъ сковались съ судьбой Россіи. Если раньше загадка Россіи волновала величайшихъ представителей русской мысли, если раньше Сфинксъ русскаго предназначенія въ мірѣ глухо тревожилъ всю Европу, то мы смѣло можемъ сказать, что не было эпохи ни въ русской, ни въ европейской исторіи, когда вопросъ о Россіи, объ ея загадочной сущности и о ея великихъ путяхъ, стоялъ бы съ большей остротой и съ большей жгучестью, чѣмъ теперь. Въ настоящій мигъ русскій народъ и въ своей внутренней рѣшимости и, въ своемъ внѣшнемъ геройскомъ обликѣ подобенъ великому Петру передъ полтавской битвой.

...Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ
Онъ весь какъ Божія гроза.

Но въ грозѣ полярность. Гроза и разрушаетъ, и оплодотворяетъ, и губитъ, и живитъ. Гроза въ себѣ собранной русской силы „ужасна“ и „прекрасна“. Малѣйшій уклонъ въ глубинахъ нашей національной воли—и мы повернемся къ міру, къ исторіи ужасами,—не ужасами германизма, конечно, а ужасами все-

мірно-исторической неудачи. Если же тамъ, въ глубинѣ, въ „пещерѣ Матерей“ нашего народнаго существа, пребудемъ вѣрными Духу и Правдѣ, — міру будетъ явлена безмѣрная красота, быть-можетъ, та самая, которая, по вѣрѣ Мышкина-Достоевскаго, „спасетъ міръ“.

III.

Владимиръ Соловьевъ не такъ давно ставилъ радикальный вопросъ:

О Русь! Въ предвѣдѣннѣ высокомъ
Ты мыслью гордой занята.
Какимъ же хочешь быть Востокомъ?
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Этого вопроса мы повторить не можемъ. Мощь Россіи развернулась въ невиданной красотѣ самоотверженнаго и смиреннаго служенія на поляхъ небывалыхъ сраженій. „И Бога браней благодатью нашъ каждый шагъ запечатлѣтъ“. Но духа Ксеркса нѣтъ въ народѣ нашемъ. Въ нервическомъ изступленіи разбушевавшееся море исторіи бичуетъ „народъ философовъ и гуманистовъ“. Духъ Ксеркса видимо и осязательно вселился въ „самую ученую націю въ мірѣ“.

Передъ Россіей стоятъ иные вопросы и иныя искушенія. Наступаетъ время, когда Россія должна сказать свое міровое слово. Доселѣ Россія жила, пусть огромнымъ и грандіознымъ, но все же своимъ обособленнымъ угломъ во всемірной исторіи. Теперь же она выступаетъ въ роли вершительницы судебъ Европы, и отъ ея мудрости, отъ ея вдохновенія и рѣшимости будетъ зависѣть вся дальнѣйшая исторія міра. Никогда Россія не попадала въ болѣе отвѣтственное

положеніе. Никогда не требовалось отъ нея большаго духовнаго напряженія и большей вѣрности своему идеальному существу. Проблема Европы ставится не передъ отдѣльными передовыми умами, не передъ враждующими группами образованныхъ русскихъ людей, а передъ самой націей русскою, передъ самымъ народомъ русскимъ, требуя отъ него не споровъ, не различныхъ теченій „литературныхъ мнѣній“, а рѣшительнаго творческаго дѣла и творческаго самоопредѣленія. Проблема Европы во всей своей безмѣрной культурной, политической и религіозной сложности превращается въ практическій вопросъ русской политики.

IV.

Странно сказать, но мы присутствуемъ при какомъ-то неожиданномъ и внутренно-разумномъ перемѣщеніи. Наше теоретическое и интеллектуальное отношеніе къ проблемѣ Европы уже не предваряетъ событія и не подготовляетъ ихъ, а вызывается ими и вытекаетъ изъ нихъ. Разумный духъ исторіи какъ бы перевоплотился въ чистое дѣйствіе, и великими словами нашей эпохи стали не книги и сочиненія, а грандіозные факты и міровыя потрясенія. Вотъ почему, при необычайномъ подъемѣ національнаго чувства, при рѣдко возвышенной согласованности единаго дѣла, у насъ наблюдается нѣкоторая идейная растерянность: мысль не поспѣваетъ за потокомъ новыхъ коренныхъ измѣненій и не можетъ охватить огромнаго смысла стремительно несущихся событій.

Но какимъ бы высшимъ смысломъ ни были озарены великія свершенія настоящаго момента, очевидно, недостаточно слѣдить за ними однимъ взволнованнымъ

чувствомъ, недостаточно даже понимать ихъ пассивно „post factum“. При томъ напряженіи всѣхъ нашихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, котораго потребовала вдругъ исторія, съ категоричностью императива требуется и величайшее творческое напряженіе нашего народнаго разума. Великій свѣтъ этой божественной способности долженъ освѣтить не только то, что совершилось и свершается съ нами, но и то, что призваны свершать мы въ ближайшемъ и отдаленномъ будущемъ. Мы должны съ открытыми глазами нашимъ народнымъ разумомъ перерѣшить всѣ вопросы европейской культуры, произвести міровой синтезъ накопившихся противорѣчій, и этотъ синтезъ долженъ лечь въ основу чаемаго, вѣримъ, ослѣпительнаго расцвѣта русскаго дѣла. Вотъ когда „всечеловѣчность“ русской души, доселѣ лишь чувствуемая, но не осуществленная, должна воплотиться въ дѣйствительность исторически, социалью, въ огромныхъ міровыхъ масштабахъ. Величайшіе представители русской мысли всегда стояли на стражѣ свѣтлаго будущаго Россіи, но теперь, когда передъ нами пріотворяются двери этого будущаго,—съ особенной настойчивостью нужно говорить: *caveant consules!* и съ особенной силой призывать къ осмотрительности, зоркости и проницательности.

V.

И странно, именно теперь стали у насъ раздаваться зловѣщіе голоса. Любители вчерашняго дня исторіи, привыкшіе къ умственному обиходу преимущественно нѣмецкихъ точекъ зрѣнія, въ обилии фабриковавшихся въ университетскихъ городахъ Германіи, несмотря на пожаръ взрывающихся событій не хотятъ сходить съ насиженныхъ мѣстъ и раскрывать

глаза на грозныя проблемы. Пока еще съ робостью они начинаютъ пытаться увѣрить всѣхъ, что, собственно говоря въ мірѣ ничего особеннаго и чрезвычайнаго не происходитъ, что битвы народовъ, побѣды и пораженія, энтузіазмъ и звѣрства — все это движется въ предѣлахъ „стараго“ и „привычнаго“ и что, какъ только Тройственное согласіе зальетъ пламя, охватившее Европу, и обезвредятъ разбушевавшуюся Германію, — все водворится на свои старыя мѣста. Словомъ, новую, творческую, всеславянскую и всемірную Россію, родившуюся на поляхъ сраженій, эти голоса пытаются „обойти съ тылу“ и, какъ бы въ тайномъ союзѣ съ повергающимся въ прахъ германизмомъ готовятся нанести ей тяжелый ударъ духовнымъ отступничествомъ.

Мнѣ кажется, намъ нужно ополчиться прежде всего противъ этой внутренней опасности. Наши войска истекаютъ жертвенною кровью не для того, чтобы сознаніе русскихъ людей оставалось во власти безразличія, невѣрія и бесплоднаго скептицизма. Съ великими жертвами нами одерживаются труднѣйшія побѣды не для того, чтобы послѣ войны мы возвратились къ разбитому корыту россійской дряблости, безволія и готовности опять, какъ въ послѣднія десятилѣтія, итти на буксирѣ европейской исторіи.

Нѣтъ! Передъ Россіей открываются новые, безпредѣльные горизонты. И она должна, подавивъ въ себѣ старыя болѣзни и собравъ воедино свою національную волю, смиренно склониться передъ Промысломъ, вызывающимъ ее на великую историческую дѣятельность, и Ангелу-благовѣстителю всей силой и всѣмъ разумѣніемъ своимъ отвѣтить: „Се раба Господня, да будетъ мнѣ по слову Твоему!“

ВЕЛИКОЕ ВЪ МАЛОМЪ.

I.

Война рѣшительно перестраиваетъ русскую жизнь. Монументальныя линіи побѣдоносной борьбы съ тремя державами (Германіей, Австріей, Турціей), воззваніе Верховнаго главнокомандующаго къ Польшѣ, героическая отмѣна „водки“—эти громадныя факты своимъ величіемъ, своей чудесностью, своею неожиданностью занимаютъ все наше вниманіе. Между тѣмъ, кромѣ этихъ катастрофическихъ сдвиговъ, война производитъ и другое болѣе скромное и невидимое дѣйствіе какого-то молекулярнаго перерожденія очень многихъ тканей великаго російскаго организма. Кромѣ большихъ, всему міру видныхъ чудесъ, настоящая война порождаетъ множества малыхъ „чудесъ“: самоотверженнаго служенія въ „тылу“, отдачи послѣдняго имущества, неожиданныхъ сближеній между людьми и народностями и цѣлый рядъ удивительныхъ, маленькихъ по объему, но огромныхъ по своему духовному содержанію „фактовъ“.

Объ одномъ такомъ фактѣ мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ.

II.

Въ небольшомъ городѣ сѣвернаго Кавказа мѣстная армянская колонія устроила лазаретъ. Вотъ какъ описывается, въ частномъ письмѣ одна изъ устроительницъ лазарета прибытіе раненыхъ: